

отношения. Для этого им необходимо очернить тех, кто действительно творил отечественную историю и культуру. Сделать им этого, конечно, не удалось и не удастся, но и от претензий своих, похоже, они отказываться не собираются. Взывать к их совести, по-моему, труд напрасный. Остается одно — каждый раз ловить за руку.

И. ЛУНАЧАРСКАЯ

ВСЁ ПОДЕЛИТЬ?

В № 10 «Вопросов литературы» за 1986 год опубликована статья Б. Сарнова «Стоит ли столько мучиться, чтобы узнать так мало». В ней идет речь о строфах якобы десятой главы «Евгения Онегина», опубликованных Л. Тимофеевым и Вяч. Черкасским в альманахе «Прометей» (М., 1983). Это уже вторая публикация данного текста; впервые он был напечатан с некоторыми изменениями И. Гуторовым в «Ученых записках Белорусского государственного университета» в 1956 году (вып. XXVII). Тогда крупнейшие отечественные пушкинисты решительно отвергли авторство Пушкина, а Д. Благой выступил с публичным разоблачением подделки («Новый мир», 1957, № 2). Тем не менее этот текст был снова опубликован.

По мысли Б. Сарнова, подделка настолько очевидна, что попытки публикаторов этого текста приписать его Пушкину абсолютно несостоятельны. «...От пушкинских строк веет непринужденностью и свободой», — пишет Б. Сарнов и справедливо говорит, что уличает поддельные строфы в неподлинности «то, что они от начала до конца идеологизированы. В них запечатлено не индивидуально пушкинское и вообще не чье-либо индивидуальное отношение к декабристам, а общепринятое. Причем общепринятое именно в наше, советское время» (стр. 195).

Если бы Б. Сарнов на этом остановился, его выступление можно было бы только приветствовать. Но, считая свои аргументы исчерпывающими, Б. Сарнов посвящает следующую часть своей работы критике статьи Ю. Лотмана и Мих. Лотмана «Вокруг десятой главы «Евгения Онегина» («Пушкин. Исследования и материалы», т. XII, Л., 1986). В данной статье подделка разоблачается на основании весьма подробного, скрупулезного анализа. Указывая на «убожество мишени», против которой направлено исследование тартуских ученых, Б. Сарнов недоумевает: зачем проделан большой, но ненужный труд, если подделка изначально очевидна? «...Чуткий и вдумчивый читатель, у которого достанет терпения проделать вслед за авторами всю ту огромную мыслительную работу, которую проделали они, придет, — опять-таки вместе с нами, — к выводу, который изначально был для него очевиден» (стр. 200—201).

В известной мере Б. Сарнов прав: подделка, о которой идет речь, не требует особенно подробных доказательств: достаточно указать на несколько очевидных несуразностей, чтобы убедиться, что перед нами мистификация. Но принять мнение Б. Сарнова не позволяют два обстоятельства: форма, в которую облечена его критика, и само понимание предмета, на который критика направлена.

Форма критики. Б. Сарнов специально подчеркивает свою неосведомленность в сфере «точных методов» («Слишком велико мое невежество в этой области...» — стр. 198), сознательно демонстрирует некомпетентность в области статистического анализа, полагая, что имеет дело с высшей математикой («Нынче гармония поверяется не только алгеброй, но и геометрией, и тригонометрией, и высшей математикой, и бог весть еще какими точными науками, о которых мы, бедные гуманитарии, даже и не слыживали», — стр. 197). Критик утверждает, что он иронизирует не над методикой анализа, а только над несоразмерностью ничтожества подделки и средств, затраченных на ее разоблачение. Однако это утверждение находится в явном несоответствии с его реализацией. Б. Сарнова откровенно удивляет и смещит именно терминологический язык рассматриваемой статьи («птичий, квазинаучный»; как его называет критик); смешат именно графики и таблицы в литературоведческой работе; смешит, по его выражению, «мнимая сложность надуманных проблем». «Уф! — восклицает критик, переписав отрывок из статьи.— Даже просто переписать этот абзац, не стараясь вникнуть в его смысл, и то тяжело. А каково тем, кто попытается понять весь текст исследования Ю. Лотмана и Мих. Лотмана» (стр. 201, 200).

Такой способ ведения полемики тем более странен, что Б. Сарнов, указав на собственную некомпетентность, нигде не объясняет, почему к тексту научной статьи, напечатанной в специальном издании, он применяет критерии развлекательного чтения. Немотивированность сатирических выпадов критика можно расценивать только как следствие исключительно эмоционального неприятия точных методов в литературоведении, причем неприятия, освобожденного от попыток вникнуть в суть отвергаемого явления. Результатом такого предвзятого отношения к объекту своих претензий оказалось непонимание Б. Сарновым смысла критикуемой им статьи.

Предмет критики. Уже в начале своего исследования Ю. Лотман и Мих. Лотман отмечают, со ссылкой на высказывания пушкинистов, что читательская интуиция не позволяет признать пушкинским текст, напечатанный в «Ученых записках Белорусского государственного университета» и в «Прометее». Однако, в отличие от 1956 года, сейчас текст опубликован тиражом в 200 тысяч

экземпляров, и публикация его была поддержана Л. Тимофеевым, ученым с огромным авторитетом. Дело здесь, однако, не в том, что покойный ученый был членом-корреспондентом Академии наук. Л. Тимофеев, как известно, отстаивал так называемый «системный анализ», а к анализу статистическому относился отрицательно (и когда Б. Сарнов иронизирует над подсчетом букв, он, видимо, не подозревает того, что в данном случае является прямым последователем Л. Тимофеева).

По мнению же Ю. Лотмана и Мих. Лотмана, «системный анализ» является по существу заменой «аналитических методов вкусовыми суждениями»¹. И в начале своей статьи авторы совершенно недвусмысленно определяют основную цель исследования: «Итак, речь идет о читательском ощущении. Можем ли мы перевести его на язык точного анализа? Попробуем это сделать и посмотрим, совпадут ли полученные нами данные, с одной стороны, с квалифицированной читательской интуицией, а, с другой, с результатами «системного анализа», отстаиваемого Л. И. Тимофеевым»². То есть перед нами статья, имеющая отчетливые полемические цели. И в данном случае цель работы историков литературы — не столько доказательство поддельности текста, опубликованного в «Прометее», сколько подтверждение правильности своей методики исследования. В данном случае псевдопушкинская глава — очень удобный объект для демонстрации преимуществ статистического анализа при атрибуции текстов и при отклонении атрибуций, что не менее важно в истории литературы.

Без учета этого обстоятельства полемика, начатая Б. Сарновым, становится просто беспредметной.

Впрочем, этот спор не по существу основан не только на непонимании конкретного смысла конкретной статьи, но связан с общей неопределенностью позиции критика в вопросах истории литературы. В заключительном разделе своего выступления Б. Сарнов высказывает уже не иронические, но вполне серьезные сомнения в целесообразности вообще какой бы то ни было текстологической работы не только над подделками, но и над сомнительными текстами в том случае, если вкус текстолога не удовлетворен достоинствами произведения.

Критик предлагает следующую текстологическую аксиому: «Если появится еще какой-нибудь текст, якобы принадлежащий Пушкину, ученым не тратить более сокровища своего разума на доказательство той истины, что на самом деле это — не Пушкин. А тратить сокровища своего разума и привлекать всю свою эрудицию лишь в тех случаях, когда собираешься доказать, что это именно

¹ «Пушкин. Исследования и материалы», т. XII, с. 151.

² Там же, с. 126.

Пушкин. Противоположную же гипотезу как бы априори считать не требующей доказательств» (стр. 202).

Призыв этот напоминает аналогичную идею одного из булгаковских персонажей: «Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... Голова пухнет. Взять все да поделить».

Непонятно, к кому обращено предложение Б. Сарнова. К тем специалистам по истории литературы, которые ищут точных аргументов для атрибуции? Если так, то оно направлено не по адресу: серьезный специалист никогда без весомых доказательств не будет приписывать Пушкину сомнительный текст и тем более публиковать его. Или это предложение обращено к тем, кто готов первое же найденное в архиве четверостишие приписать Пушкину? Но они и так не особенно утруждают себя доказательствами. Если же предложение Б. Сарнова имеет в виду то, как следует относиться историкам литературы к тем, кто желает обессмертить свое имя сомнительными атрибуциями, то предложение это сформулировано некорректно, потому что относится только к явным подделкам, каковых, по счастью, не так уж много. Чаще же перед нами не очевидные мистификации, а произведения, сочиненные действительно во время Пушкина и даже приписывавшиеся современниками Пушкину. Такого рода тексты есть и в разделе *Dubia* пушкинских собраний сочинений и появляются периодически на страницах современных изданий.

Для ясности возьмем случай общеизвестный. В одном из недавних собраний сочинений Пушкина раздел *Dubia* был упразднен и всегда только приписывавшиеся Пушкину тексты попали в корпус основных сочинений поэта. Среди них эпиграмма:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Во «Временнике Пушкинской комиссии» в ответ на это появилась статья, в которой говорилось, что аргументированных доказательств принадлежности Пушкину этой эпigramмы нет и что перемещать ее в корпус основных сочинений преждевременно¹. А что бы предложил сделать с этим текстом Б. Сарнов? Как практически с ним поступить? Как мы должны отнестись к нему на основании наших априорных ощущений? Ведь если мы условимся, что незачем доказывать непринадлежность Пушкину такого рода произведений, то их, видимо, следует немедленно предать забвению?

Ответа на эти вопросы нет в выступлении Б. Сарнова, ибо критерии предложенной им априорной оценки сомнительных тек-

¹ См.: В. Д. Рак, К истории четверостишия, приписанного Пушкину.— «Временник Пушкинской комиссии. 1973», Л., 1975.

тов более чем расплывчаты. Вот что пишет Б. Сарнов: «...Литератор-профессионал (и в первую очередь литературовед) должен отличаться от неискушенного читателя, помимо всего прочего, более тонким, более совершенным «воспринимающим устройством». Одна из главных целей литературоведения, мне кажется, как раз в том и состоит, чтобы воспитывать вкус, совершенствовать и обострять художественное восприятие читателя... литературовед должен... ограждать читателя от текстов сомнительных. Не запутывать читателя мнимой сложностью надуманных проблем, а видеть свою миссию в том, чтобы отбирать для читателя лишь то, что представляется ему эстетически **бесспорным**» (стр. 201—202). По логике Б. Сарнова, жалки читатели, «готовые скорее поверить таблицам, графикам и цифрам, чем своему непосредственному живому восприятию» (стр. 202). И получается, желал этого или не желал Б. Сарнов, что именно «непосредственное живое восприятие», обусловленное тонкостью «воспринимающего устройства», должно служить главным критерием для текстологического отбора «эстетически бесспорного». На таком основании можно отвергать априори только явные подделки (да и то для установления подлинности текста чаще всего недостаточно «живого восприятия», что отлично демонстрирует сам факт публикации псевдопушкинской главы). Но к сомнительным текстам типа «Мы добрых граждан позабавим...» подход, предложенный Б. Сарновым, неприемлем. И указание историкам литературы, как лучше им тратить сокровища своего разума, свидетельствует лишь об игнорировании общеизвестных текстологических истин.

Разумеется, появление в периодической печати (и даже в собраниях сочинений писателей прошлого) легкомысленно приписанных текстов не может не огорчать. Но вопрос о малоубедительных атрибуциях заслуживает специального обсуждения на профессиональном уровне.

Когда же нам вместо обсуждения проблем предлагают, не вникая в суть дела, посмеяться над историками литературы, квалифицированно выполняющими свои историко-литературные обязанности,— от этого становится не смешно, а не по себе.

А. ПЕСКОВ

